УДК 101.1: 316 + 123.1 + 14

ВЕРА КАК БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА

Чупров Александр Степанович,
Благовещенский государственный
педагогический университет,
доктор философских наук, профессор,
г. Благовещенск, Россия.
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Ященко Олег Юрьевич,
Благовещенский государственный
педагогический университет,
студент историко-филологического
факультета,
г. Благовещенск, Россия.
E-mail: rudenko.yashenko-oleg2016@yandex.ru

Аннотация
В статье рассматривается феномен веры как предельно доступный человеку способ утверждения своего бытия, как вера в тождество абсолютного «ничто» и столь же абсолютного в своей бытийственности «нечто».

Ключевые понятия:
вера,
бытие,
сущее,
существование,
ничто,
нечто.

В XXI веке мир, кажется, окончательно превратился в мир симулякров. В глобальном масштабе – это противоборство якобы демократии с якобы ИГИЛом (запрещенной в России террористической организацией). А посередине такого мира – Россия. Она действительно посередине. И не в силу ее географического положения или мессианской роли в истории человечества: это, скорее, вопрос «национальной идеи»; не более, хотя и не менее. Просто так «устроено» бытие вообще: еще Парменид сравнивал бытие со сферой, в которой *каждая* точка – центр, а периферии нет вовсе.

Но и в России – всё то же иллюзорное противоборство партии, чей лозунг «Вову на царство!», и партии «либералов», патетически, как Остап Бендер, уверяющих общественность в том, что «Запад нам поможет!». Но всё это обман: «Вова» уже давно на царстве, а Запад (в том числе «рабочими руками» Китая) уже четверть века определяет и даже контролирует бóльшую часть экономической жизни России. Просто элиты «пилят деньги». И хотя политики оперируют симулякрами, сам процесс и результаты этих действий «режут по живому». И что в этой ситуации должны делать люди, «куды бедному крестьянину податься»? Безмолвствовать, как в пушкинском «Борисе Годунове»? Устроить русский бунт, «слепой и беспощадный»? Жить, «добру и злу внимая равнодушно»? Или искать спасения в совсем неравнодушной вере?

Но ведь и вера предстает перед нами в самых различных обликах. О какой вере надобно говорить? Об утешительной вере, как иллюзии, как о «нас возвышающем обмане» (Пушкин), как о познании смысла происходящего и смирения с ним, как о воле к смерти или воле к борьбе за жизнь (и собственную, и России), требующей во «тьму» раз больше усилий, чем «бытие-к-смерти»?

В каждом отдельном человеке вера проистекает, прежде всего, из инстинкта самосохранения, из личной потребности противостоять смерти. Недаром говорят: в окопах атеистов не бывает. По этой причине в истории никогда не было и быть не может религии «смертности души». Любая религия утверждает бессмертие, пусть даже ценой отчаянного растворения мироздания и личности в вечном небытии, в раю, в нирване.

Доверие, которое не нужно путать с наивностью, есть живая душа веры. Вера рождается не из священных текстов. Она произрастает из доверия. Превращаясь в уверенность, вера несет в себе родовые черты доверия. Правда, со временем вера заслоняет доверие, оберегая и одновременно делая его незаметным.

Доверие по-детски андрогинно (недаром русское слово «доверие», как и слово «дитя» ,– среднего рода), поэтому о доверии следует говорить как о только установке, и в этом смысле о чем-то недостаточном, не вполне завершенном, ввиду того что ему не присуща взыскиваемая умом полнота, присущая вере, справедливо стремящейся объять собою всё и даже более. Доверие всегда есть позиция, означающая восприятие, но не завоевание.

Доверие, как и доверчивость, всегда беззащитно как ребенок, а вера – даже христианская с ее проповедью смирения и призывами возлюбить врагов своих, а тем более демонстративно сатанинская или атеизм – воинственна и всегда во всеоружии. Беречь надо доверие, а веру положено укреплять. Подобно киплингскому герою, доверие говорит миру: «Мы с тобой одной крови». Доверие исполнено внутренней силы, о которой оно еще и не ведает и не может управлять ею.

Однако есть кардинальная разница между теми, кто доверяет тому, во что они верят, и теми, кто знает, во что они верят. Первый полюс необходимо приводит к необходимости «богооправдания» (объяснения зла через парадокс свободы), второй же ведет к «человекооправданию» (объяснению зла через устремленность человека к утверждению в собственном величии посредством низкого онтологического падения).

В естественной, как и в приобретенной, вере всегда преобладает женское начало. Вера, как и женщина (неслучайно в русском языке слово «вера» – женского рода), дает нам силу, энергию и счастье. Но в то же время вера нуждается не только в укреплении, но и в защите. Вспомним, как звучал воинский призыв в царской России: «За веру, царя и отечество!».

Вера проистекает из потребности «склеивать», хотя бы субъективно, в своем представлении, вечно разбивающуюся вдребезги чашку, вернее, «чашу бытия» (образ русского поэта Антона Дельвига). Поэтому мы будем говорить о вере как о предельно доступном человеку способе утверждения своего бытия в сущем, чтобы высветить то, каким образом человек определяется для себя самого и проявляется для мира, по отношению к которому он может оказаться как временным гостем, так и вечным хозяином. Мы будем говорить о вере, в которой он особенно нуждается, когда оказывается в мире «в его минуты роковые» (Ф. Тютчев), в эпохи, когда кажется, что мир вот-вот рухнет в самых своих основах, ибо вера – не только результат откровения, но и результат сокровенной устремленности (воли) человека к бытию.

***

Сущее – это *буквально* то, что существует у Бездны небытия (сравните – «ущелье»). В просторечии это называется «этим миром», т.е. миром посюсторонним в противоположность миру потустороннему. Существуют вещи (не важно, нечто или ничто), тогда как бытие и небытие, – это «всего лишь» *свойства* вещей, а именно их наличие или отсутствие.

Сущее всегда «распадается» на существование и бытие, т.е. на вещи и их свойства, как *отношение* к другим вещам. Со времен Платона отношение в философии стали называть *идеей*. Не той, что в головах людей, а той, что существует в объективной реальности, например, математическое отношение или отношение экономическое. Однако бытие и существование «жить не могут» друг без друга и, взаимопроникая, образуют то, что принято называть действительностью.

Дифференциация чувственного мира образует формы и связи, структуру всего существующего, которая «схватывается» и анализируются рассудком, сопровождающегося новой ипостасью воли – способностью суждения (по-русски – смекалкой).

Свобода тут возможна только как *примирение* с необходимостью посредством познания: принцип Спинозы «свобода как познанная необходимость», который часто приписывают Марксу. Крайняя форма примирения – это христианское смирение как ответ на жестокую бесчувственность сущего: «Возлюби врага своего». Или совсем по-народному: «Бог терпел и нам велел».

Призыв к смирению – это попытка уберечь человека от гордыни и неизбежно следующих за нею уныния, отчаяния, утраты надежды и смысла. Тогда как только бытие придает, или привносит, смысл существованию. Смысл, который нельзя найти. Можно лишь не утратить. Плутая в дебрях существования, ничего, кроме бессмысленной материи и бесчувственной информации о ней, найти нельзя.

Альтернативой примирению может быть только бунт против естественной необходимости, подчинение ее человеческому произволу, практика как деятельность по преобразованию материального мира, как безрассудный «информационный передел» мироздания, как, например, генная инженерия, как богоборчество и даже сатанизм, разрушающий порядок мироздания, превращающий посюсторонний мир в сущий ад, дорога к которому, как известно, устлана благими намерениями.

***

Издревле у всех народов символом и принципом полноты и гармонии мироздания, как *число мироздания,* почиталась так называемая четверица: свет – тьма, жизнь – смерть. А вот *ценность бытия и вера,* незримо присутствующие в этой схеме, можно сравнить с сакральным «пятым элементом», чудом.

Противоположность (отрицание) и вместе с тем истина объективной реальности есть ценность бытия. Ценность бытия – это и есть тот страстно взыскуемый человеком выход из «заколдованного круга», из проклятого «Уробороса» (змеи, глотающей свой хвост); это условие и основание веры. С другой стороны, противоположность (отрицание) и вместе с тем истина субъективной реальности есть вера. Вера – это способ возвращения существующего субъекта к себе, то есть к сущему как бытию. В свете этого «домом бытия» правильнее было бы называть не язык, как утверждал Хайдеггер, и даже не слово (если, конечно, не иметь в виду Слово Божье как начало Бытия), а веру и как результат откровения бытия, и как результат сокровенной устремленности человека к бытию.

***

Никто не может помнить момент своего рождения. Но именно этот факт является самым важным в жизни каждого человека. Даже странно как-то: мы не помним самого важного в нашей жизни, а беремся судить о чем-то частном, второстепенном по сравнению с фактом собственного рождения. Не зная себя в своих истоках, мы набираемся нахальства постигать истину бытия. Возможно, именно это имел в виду Шарль Перье, когда писал: «Истина – это то, на что в конце концов решается общность». Употребленный здесь глагол «решается» указывает на то, что сообщество людей не только поставлено перед жестким выбором, но и имеет силу духа, волю, мужество принять какое-то решение. Человечество *решается быть* и уже этим несет в себе истину куда более действительную и значимую, чем возможность простой договоренности считать снег белым, а сажу черной.

Становление человека начинается в детстве. Ребёнок еще не думает о Боге, ему не до того: он, как писал Андрей Платонов в «Котловане», «счастлив от детства». Но уже ребёнку дан разум. Во всей своей многогранной необъятности, сущее предстает пред ним необычайною загадкой, разрешение которой составляет задачу всякого пытливого рассудка. Именно не просто рассудка, но рассудка пытливого, то есть стремящегося выйти за пределы конечного и чувственного.

Рассудок вообще есть пытливость как таковая. Пытливость от слова «пытать» безмолвное (загадочное), чтобы оно заговорило, чтобы оно, как минимум, вскричало от боли. Вместе с тем РАССудок есть способность разделения всего и вся: на бытие и становление (существование), возможность и действительность, сущность и явление, и т.д. и т.п. Наконец, расСУДок есть вынесение приговора: да или нет. Приговора своему существованию. В пределе – своему бытию.

Благодаря разуму человек «философствует», хотя, может быть, и слова-то такого не слышал. И притом не только из потребности объяснить для себя сущее. Он философствует еще и потому, что хочет разыскать ту взыскиваемую еще некогда Архимедом точку опоры, обретя которую он обещал перевернуть с ног на голову весь мир.

Наше сознание одним своим наличием призвано к тому, чтобы разъяснить человеку его место посреди сущего, разыскать нечто, что позволяет ему утвердиться в своей смутно предощущаемой самостийности. Впрочем, самостийность, или бытие субъекта, постигается не только мышлением (разумом), но и волей (желанием), и чувственностью (переживанием), и здравым смыслом (рассудком), интегрируемых в вере. Если веру и можно назвать чувством, то только в смысле ее присущности душе как субъективированному бытию. Вера – это удостоВЕРЕние человеком своего бытия.

Итак, если «я мыслю» и к тому же «хочу», то, следовательно, к тому, чтобы разыскать нечто, что совпадает с моею мыслью и волею. Это нечто и зовется бытием.

Укоренившись посреди сущего, – иначе говоря, родившись в этом мире, – человек посредством заключенной в нем воли предощущает себя, а благодаря имеющемуся за ним сознанию, удостоверяет и себя самого, и то, что, помимо него, есть мир, его окружающий. (Впрочем, в жизни ребенка последовательность обратная: в начале он удостоверяет мир, и затем, оттолкнувшись от него, удостоверяет самого себя.)

Казалось бы, нет ничего естественнее, нежели укоренение в блаженстве «здесь и теперь», ибо к чему противоположному могу быть я предназначен, если не к блаженству? Ну, не к страданиям же?

Совпадение существования и блаженства – вот что составляет фундамент онтологического оптимизма, проистекающего из удостоверения человеком себя самого в том, что, помимо него самого и того мира, который представляется ему раз и навсегда данным ему родным домом, нет более ничего. Фундаментальное основание общече-

ловеческого мышления – в непререкаемом онтологическом оптимизме. Если прекрасно и блаженно то, что "аз есмь", то, стало быть, не менее блаженно и прекрасно мое пребывание посреди того, что есть помимо меня самого.

***

Существование человека – это его наличие среди сущего, или для него наличное бытие в противоположность бытию «чистому». Укоренение в сущем, как в нечто самостийном, от века данном и субстанционально обусловленным в себе самом и для себя, всегда подразумевает отсутствие в сознании какого бы то ни было *зазора* между тем, что есть, и тем, чего нет. В сознании того, кто еще не прозревает зазора между сущим и собственным бытием, сущее совпадает с блаженством. Для меня, как для еще не родившегося младенца в утробе матери, как для птенца в уютном гнездышке, все данное мне в мое распоряжение, – прекрасно и восхитительно.

Предвосхищать же в мышлении отсутствие этой «восхитительной красоты» – заведомо обрекать самого себя на непреходящую *скорбь*, хотя скорбят «после», а не «до» утраты. И, конечно, мы не хотим, мы боимся такой мысли и отворачиваемся от нее. Само стремление к блаженству имеет своей скрытой стороной отрицание ужаса. Недаром слово «ужас» буквально означает исчезновение, уг(ж)асание, убыль бытия и существования, когда от тебя отрезают твою плоть, хотя ужас – это, может быть, самый надежный и достоверный способ удостоверения своего существования: пока у меня что-то болит, пока я страшусь смерти, я еще живой. Можно даже сказать на манер Декарта: «Я ужасаюсь, следовательно, существую».

Мое сознание (как связующее звено между тем, что есть, и тем, чего нет), с его двойственностью постижения сущего как феноменального и ноуменального – особенно в его эмпирической ипостаси, – очень настойчиво удостоверяет меня в простом наличии посреди сущего, свидетельствует о моей исключительности посреди других, благодаря чему я представляюсь самому себе отнюдь не безмолвствующим камнем посреди камней.

Благодаря эмпирическому сознанию я всегда мню свое принципиальное отличие «от безмозглого камня», вне зависимости от того, насколько ложно или истинно определение такого отличия. Более того, если я наблюдаю мир вокруг себя, сознаю себя самого как нечто посреди него положенное, но все же отличное, то охотно делаю вывод: мир предназначен только мне – «самому-самому». Ведь именно так я и хочу, а мысль просто помогает мне в этом моем желании.

Однако предназначение, как и призвание (по умолчанию) подразумевает назначающего и взывающего, то есть Бога. Уже поэтому невозможно помыслить себя абсолютно одиноким. Предощущение своей самостийности неотделимо от предощущения того, что есть нечто или некто, кто дает мне такую возможность. Более того, осознавая и свое существование, и существование чего-то вне себя, логично (если не обязательно) предположить, что всякому существующему свойственно то же самое, что и тебе, то есть способность хотеть, чувствовать и мыслить. Алогичным было бы отрицать это.

Сознание, конечно, есть средство самосознания и освидетельствования моей исключительности посреди существующего (как разумной души среди камней). «Конечно», да не окончательно. Просто нам так «разумеется». Всё дело как раз в истинности либо ложности такого свидетельствования. Еще Кант оговаривался, что в мире явлений камень, конечно, камень, но – как знать? Фантазируя на эту тему, спросим: не являемся ли мы ему, камню-для-нас, таким же камнем и не «мыслит» ли нас всё то, что нас окружает, как собственную добычу? Это еще радикальнее, чем умозрительный тезис о предназначенности мира мне. Констатация того, что предназначение моего существования состоит в том, чтобы быть средством существования другого, не просто полагается умозрительно, то есть разумеется нами, но и фиксируется с беспощадной категоричностью и естественнонаучной достоверностью.

Поэтому следующим моментом в достижении прозрения является неминуемо вытекающий следом конфликт возможности и действительности, который определяется Кьеркегором как «отчаяние возможного». Фундаментальная завеса онтологической лжи и обмана (восприятие мира как уютного гнездышка, принадлежащего исключительно мне) мгновенно рассыпается пред нами, как только мы оказываемся в состоянии «затвердевания» посреди инерционного потока становления, влекущего нас – как водителя в мчащемся на скользкой трассе автомобиле, у которого отказали тормоза, – к роковому ничтожению.

Оказывается, что не сознание мое выстраивает на основании моего безудержного произвола картину мира, но сам мир, подобно тоненькой нити – к моему ужасу – вплетает меня в обширный клубок, из которого намеревается ткать все ему необходимое.

Пункт совпадения существования и блаженства оказывается внутренне разомкнутым, но не потому, что прежде мною наблюдалась вопиющая несправедливость мира в отношении живых существ, но лишь потому, что мною самим переживается внутренний опыт боли. Сознание сталкивается с ситуацией, когда сущее ничтожит существующего, а человек, предоставленный сам себе с невозможностью актуализации внутреннего потенциала, оказывается тем, кто начинает прозревать сущее во всей его необъятности не как нечто данное в единстве времени, места и обстоятельства, но уже как необъятную бесконечность, оказывающуюся отнюдь уже не дружелюбной, но прямо ему враждебной.

Однако внутренний опыт боли в здоровом организме ведет отнюдь не к квиетиву воли, а напротив, к отчаянному стремлению избавиться от этой боли, то есть к воле жить, надеяться и верить.

Отчаяние всегда обусловливается столкновением с невозможностью. Но что абсолютизирует боль переживаемого мною отчаяния? А именно то, что сущее начинает приоткрываться предо мною своею, дотоле мне неведомой, изнаночной стороной наличия, помимо того что безусловно есть, того, чего нет. Осознание прямого столкновения с невозможностью вплотную подводит меня к ничто, как изнаночной стороне сущего. Отныне блаженство «здесь и теперь» снимается пред моим взором, подобно пелене Майи, делая непосредственно достоверным внутренний опыт переживания смерти, как роковой неотвратимости конца.

***

Действительность жизни, бесконечно увязанной во фрагментарности поочередно следующих друг за другом событий, в которых я оказываюсь не более чем пассивно безмолвствующим камнем посреди прочих камней, не могущих свидетельствовать о самих себе в их отличности от других, жестоко бьет по моей прежней убежденности в своем всесилии. Прозревание неотвратимости конца удостоверяет меня самого в своем ничтожестве пред самим собой и окружающим меня сущим. Одиночество всегда переживается как страх перед оставленностью меня со стороны Того незримого, кто берег и радовал меня, как предоставление себе самому в невозможности упования на внешнюю силу, могущую оказать вспоможение в чем-либо из делаемого мною, вплотную подводит меня к альтернативе.

Мое Я поставлено перед выбором, от которого, кажется, невозможно уклониться: 1) прямое и скорое самоубийство, чтобы долго не мучится, ибо хуже смерти только ее ожидание, либо 2) забвение в чувственности как растянувшееся длиною в жизнь умирание «в свое удовольствие» (гедонизм); 3) воодушевляющая меня, придающая мне значимость и благородство в собственных глазах жертвенная самоотдача другому; 4) посвящение себя придуманному Богу, которым на поверку оказываюсь я сам в своей самости.

Но легче сойти с ума, чем осознавать и сделать такой выбор. Да и никакой это не выбор. Одна видимость. Всё в пределах томящегося Я, которое мнит себя самодостаточным и теперь чувствует себя несчастным от своего одиночества. Не только воля к бытию, но ум своим простым наличием протестует против такого выбора, ибо выбор этот безумен. Разум потому и называется разумом, а не «одно умом», что он – лишь начало отсчета (раз и...) в движении мысли, в рассекании и синтезировании бытия и ничто, бытия и существования.

Такой выбор – это лишь дьявольское искушение для слабого на погибель его души. Сатанизм, которому человек не может противопоставить ничего другого, кроме веры в благодать, либо впитанную с молоком матери, либо обретенную в мучительных поисках себя и смысла жизни. Этот тот случай, когда в словах «Блажен, кто верует» ирония неуместна. Отчаяние от осознания бессилия, невозможности устоять перед гибелью в открывшейся бездне небытия.

Наблюдение за объективными закономерностями природы удостоверяет нас в принципиальной невозможности свободной воли. Следовательно, преодоление инерционного потока, увязанного на необходимости становления как экстравертной негации, ничтожащей все следом за собою, подобно роковому колесу сансары составляет долженствование того, кто свидетельствует о себе не как о «големе» Всевышнего, но как о том, в сознании которого неугасаемой искоркой духа положен завет противостояния всему тому, что не есть Он.

Христианство исполнено обещания «нового неба» и «новой земли», а также «жизни будущего века», когда уже более «не будет времени». В чем коренится невозможность? В отмене времени и преображении сущего, которое долженствует, посредством субъекта свободного творчества, реализующего замысел Всевышнего о твари, состояться как бытие триединства Нового Неба, Новой Земли и Нового Человека.

Разумеется, метафизический прорыв к Иному-как-Невозможности может состояться лишь при актуализации свободного

творчества человека, могущего и должного осознать свою подобность, но не чуждость Творцу, некогда помыслившего человечество, в его предшествовании, к более совершенному соединению с Ним, но также предусмотревшего коренящуюся в самом основании сущего фундаментальную ошибку проявления, которая как раз и подлежит преодолению.

Шопенгауэр находит «спасительный» в сложившейся ситуации выход в осознании принципиальной моей тождественности другому, возможности и даже необходимости жертвенного сострадания ему. Такому морализаторству Шопенгауэра Ницше противопоставил в качестве противовеса тезис о том, что идущий путем сострадания на самом деле следует лишь самоутверждению (а это всё тот же эгоизм, только завуалированный «моральными приличиями»), но на совершенно иной почве.

Если прежде человек был убежден в том, что мир всецело должен ему, то теперь оказывается, что он сам должен миру. Извечная дихотомия между спасительностью веры и спасительностью дел находит свое разрешение у Кьеркегора в «абсолютном отчаянии», к которому подходит человек, пережив не только эстетическую (чувственную) стадию становления с ее горьким похмельем, но и стадию этическую (стадию долга) с ее безответной и неизбывной тоской; находит в «абсолютном отчаянии», которое предопределяет выбор человека в пользу спасительной веры. Но это вера от безысходности.

***

Горизонтальность экзистенции основывается на достижении как цели, в то время как ее вертикальность имеет принципиально иное основание, указующее на преодоление как на идеал. Вертикальная экзистенция вообще всегда устремлена к невозможному как к принципиально недостижимому, в то время как экзистенция горизонтальная имеет дело с неустранимым балансированием между тем, что возможно, и тем, что действительно.

Блаженство тут полагается как возможность. Но возможность особенная, как возможность *непроявления*. Бытие вообще всегда проявляет себя только через возможность, а поскольку существует только то, что возможно к проявлению себя в становлении, по отношению к которому я пребываю всегда в безмолвной пассивности камня посреди камней, то, стало быть, несуществующее есть благо, в котором, увы, меня нет. Но, если я пребываю посреди сущего как данности, в исключении себя из того блага, которого нет, то что означает его отсутствие? Тотальную *всеобщность* зла, подлежащего преодолению.

Блаженство определяется только в соотношении со своим отсутствием посреди сущего. Что и было произведено Платоном, когда он, прозревший Благо как высшую идею в царстве статично пребывающих в вечности прообразов существующего, осуществил инверсивную рекапитуляцию бытия, оказавшегося исключенным из сущего как подлинно существующее. Уже онтологический пессимизм Платона указал на недостижимость блаженства как того, что не существует, с тою только разницей, что блаженство, как прообраз существующего, оказалось у него подлинным бытием в противовес существующему, которому он отказал в статусе бытия.

Впрочем, несмотря на тенденциозный и сугубо заостренный идеализм Платона, его мысль заложила глубочайший потенциал христианского мифа о грехопадении, символически повествующего об исключении первых людей от возможности пребывания в единении с Богом, как о величайшей трагедии заброшенности в сущее. У Ницше подобного рода «платонизм для масс» вызвал резкое опротестование со стороны воздвигнутого им натуралистического культа жизни как нескончаемого потока «бытия становления», «вечного возвращения одного и того же», пред которым в часы вразумления он сам же содрогался, как содрогались арийские индусы перед вращением внутри рокового колеса сансары.

Христианство учит, что приобщение к блаженству возможно через пребывание в Святом Духе, провиденциально действующем в мире той благодатью, которая исходит от Него, особенно посредством принятия Святых Таинств. Казалось бы, обретается спасительная точка внешней опоры, но не тут-то было. Кьеркегор никогда бы не смог выразить своего наблюдения о «богооставленности» человека, не будь предпосылок к тому, что Ницше трагически возвестил как «смерть Бога».

Освобождение от пут необходимости Шопенгауэр находил лишь в отрицательном, как резигнацию, как квиетив воли, т.е. отвержением ею самой себя, когда воля возвращается в свое лоно, т.е. обращается в возможность непроявления. Это состояние отождествляется Шопенгауэром с блаженством. Причем свобода, справедливо понимаемая им как антитеза необходимости, находится им в чистой негации воли по отношению к себе самой. Тут мировая воля, как в потешной борьбе нанайских мальчиков, борется сама с собой.

Оппозиционная противоположность вере гносеологически есть сомнение (скептицизм), как еще не определившееся в себе отношение к бытию. В практическом отношении такой противоположностью вере является неверие, как мнимое самоутверждение в своем ведении обо всем при действительном незнании ни о чем. Неверие всегда есть свидетельство о недостатке, который не смогло восполнить по-детски вопрошающее обо всем доверие.

***

Дух свободен не только как идея. Он свободен также и как воля. В своей абстрактной единичности тотальный Дух предстает как Автономный Субъект, который есть по отношению к земному человеку из плоти и крови предстает лишь как идеальность по отношению к реальности, как возможность по отношению к действительности. Свою реальность и действительность Автономный Субъект обретает через необходимость. Таковой необходимостью оказывается форма. Всякая форма – это, собственно, и есть необходимость, определенность, условие реальности и действительности.

Автономный Субъект как единичность идеи обретает свою реальность в принципах логики и в рамках понятий (мышление как рассудок). Как единичность воли Автономный Субъект предстает как ограниченная рамками воля, которая есть ни что иное, как чувственность, или материя (та самая «плоть и кровь»).

По этой причине чистую субстанцию свободы (в отличие от ее проявлении, или акциденций) невозможно обнаружить и зафиксировать, определить посредством понятий ни в непосредственном «чистом» бытии (там она еще не о-*предел*-ена), ни в чистом становлении (существовании), где царит естественный закон. Свободой Духа можно только жить. Или умереть. Люди верят, чтобы жить и умереть воодушевленно, жить и умереть в Духе. «Быть не в духе» – невыносимо плохо. И для того, кто *так* живет, и для тех, с кем он живет, и особенно для тех, с кем и при ком он умирает.

Гегель называл христианство религией истины и свободы: «Ибо истина состоит в том, чтобы не относится к предметному как к чему-то чуждому. Свобода выражает то же самое, что истина, с определением отрицания» [1, с. 214]. Это означает, что и предметный, чувственный мир достоин доверия, надежды, любви, истины и красоты. Но, как всякое просто существующее, исполнен ограничено. Ограничено в пространстве и времени. Здесь всё временно, всё перед смертью.

***

Самую первую ступень веры можно назвать *естественной*. Каждый человек с момента своего рождения (как минимум, с момента появления у него сознания), ни секунды не сомневаясь, верит в то, что и он сам, и мир вокруг него есть на самом деле. Противоположностью такому «верящему» отношению и к себе, и к миру является банальная неадекватность. И действительно, трудно вообразить здорового человека, который на полном серьезе утверждал бы, что окружающий мир ему просто снится, а есть один он со своим «Я». Даже Артур Шопенгауэр вынужден был признать, что для таких людей нужны не аргументы, а больница для душевнобольных. Естественная вера присуща не только самосознанию, но и представлениям человека о том, в каком мире и обществе он живет, какова его история, каковы правила, по которым течет жизнь, с какими людьми он имеет дело и т.д. Такая вера всегда связана не столько с доверием, сколько с наивностью.

Во все времена человек нуждался в какой-то достаточно убедительной системе координат, истинность которой доказать невозможно, но в нее можно охотно поверить, чтобы жилось с ощущением твердой почвы под ногами. Так, на смену естественной вере – не важно, в результате воспитания, самостоятельных поисков или идеологической обработки, – приходит вера *приобретенная*.

Именно на этой ступени творятся и разрушаются все исторические и политические мифы. Именно здесь больше всего перебежчиков и гневно обвиняющих первых в предательстве и их вечные обвинения в адрес друг друга в забвении истоков. Именно здесь – все реформаторы и бунтари, все Лютеры и Протопопы Аввакумы, все Ленины и Ельцины.

Но наступает момент, когда в жизни каждого поколения и, наверное, каждого человека встает гамлетовское «to be or not to be». И тогда чисто ритуальная вера, вера приобретенная, уже оказывается недостаточной. Тогда в помощь ей приходит вера *героическая*. Героическая вера, как и наивная естественная, не знает и не должна знать сомнения. В сомнении подвиги не свершаются. Тут не до «игры в бисер». Тут уместнее призывы: «За веру, царя и отечество!», «За Родину, за Сталина!», «Наше дело правое: мы победим!». Тут – кульминация разрешения вечного диссонанса Провидения и присущей человеку свободы воли.

На склоне наших дней мы всё явственнее осознаем правоту ветхозаветного «И это пройдет» и лучше понимаем новозаветное

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное». Идем к старцу за советом в минуты душевного смятения. Но покоя не обретаем, потому что *нам «и неба мало», и рай для нас – «всё еще тюрьма».* Даже соборование и погребение – это не пропуск в рай (Богу-то зачем всё это?), а наш последний благодарственный поклон этому миру. На смену вере героической приходит вера *исповедальная*. Та, к которой человек, может быть, впервые и на короткий остаток жизни земной приходит на смертном одре. Это вера мистическая, связанная с таинством и просветлением, сопряженным с безумием. Вера в Бога по ту сторону существования.

***

Вера проистекает от противоречивого тождества сущего (посюстороннего) и потустороннего, бытия и существования (становления). Вера возникает как снятие, как «исключенное пятое», как вера в тождество *абсолютного ничто* и столь же абсолютного в своей бытийственности *нечто или некто*, которому человек приписывает, потому что не может не приписывать, свойства личности, давая ему имя Бога. Таким способом человек, исполненный доброй, т.е. свободной волей к творчеству, в котором только и может быть подобием и образом Творца, стремится избежать «воронки», грозящей своей ураганной «негацией» сбить его с ног с поверхностного существования и засосать в абсолютное ничто.

Тертуллиановское Credum absurdum (верую, ибо абсурдно) – это не преодоление наивного недоумения по поводу возможности невозможного (творения мира из ничего, непорочного зачатия, тройственности Бога или иных чудес). Вера проистекает из противоречивости Единого как способ снятия этой противоречивости и утверждения бытийственности и моего Я, и мира, данного мне в явлении.

1. Гегель, Г. Философия религии. Т. 2. М., 1977. 573 с.

References

1. Hegel G. (1977) Filosofija religii. T. 2. Moscow, 573 p. [in Rus].

UDC 101.1: 316 + 123.1 + 14

BELIEF AS A HUMAN BEING EXISTENCE

Chuprov Aleksander Stepanovich,
Blagoveschensk State Pedagogical University,
Doctor of Philosophy, Professor,
Blagoveschensk, Russia.
E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Yashchenko Oleg Yuryevich,
Blagoveschensk State Pedagogical University,
Student of Historical and Philological Department,
Blagoveschensk, Russia.
E-mail: rudenko.yashenko-oleg2016@yandex.ru

Annotation
The article considers the phenomenon of belief as an extremely accessible way for a human being to recognize his existence, as a belief in equality of absolute “nothing” and absolute in its existence “something”.

Key concepts:
belief,
existence,
matter,
nothing,
something.